

НОВАТОРСКИЙ ДУХ ЖИЗНИ

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

ясняется, что за его спиной орудуют жулики и проходимцы — его ближайшие помощники Котов и Белый. Впрочем, под стать им и сам Савельев. Только он еще хуже. Ибо он не только жулик и проходимец, но и лицемер, обманывающий людей высокими словами о терпении во имя будущего. Поняв это, люди на стройке самостоятельно лишают Савельева власти, отстраняют его от руководства участком.

Интересно, да в силу чего же верили люди в Савельева, как в бога? И если были в свое время основания поверить, то как он дошел до жизни такой? И действительно ли можно поставить знак равенства между Савельевым, с одной стороны, Котовым и Белым — с другой? И, наконец, что же это за «отдаленный» участок нашего строительства, жизни нашей, где не существует ни партийного, ни государственного руководства или влияния, а дела вершатся в порядке, так сказать, стихийном?..

Совсем нетрудно понять, ради чего обратился драматург к истории Савельева. Да ради профилактики. «Видишь, как они портят тебе жизнь? — говорит главный герой пьесы Глеб Космачев о Савельеве и Котове, обращаясь к товарищу. — Это ты разрешил им портить тебе жизнь. Это ты терпишь. Поэтому они и существуют. А перестанешь терпеть, не будет ни Савельева, ни Котова. Зла не будет».

Возможно, в этих словах за-

ключен призыв к хозяйскому отношению простого человека к жизни? Да! Авторский замысел, видимо, таков. Но разве хозяйское отношение к жизни, принципы демократизма осуществляются в нашей стране самостоятельно, стихийно?

И напоминания, и предупреждения, подобные содержащимся в пьесе М. Шатрова, вряд ли необходимы сегодня. Драматург проявляет здесь совершенно непонятное неверие в то, что опасность повторения истории Савельева в условиях нашей действительности является сколько-нибудь реальной.

Потерпев поражение в первой схватке с Савельевым, не поддержанный рабочими, герой шатровской пьесы не знает, что ему делать дальше, к кому обратиться, кто ему поможет. И тут возникают первые фразы «Аппассионаты». Разговор героя с Лениным. Но во имя чего существует этот разговор в пьесе? Во имя утверждения все той же мнимой опасности повторения истории Савельева. Драматург искусственно и произвольно вкладывает в уста Владимира Ильича предупреждение об опасности появления нового Савельева. И возражения Глеба о том, что новый Савельев не появится, парируются им следующим образом: «Вы уверены, а я не уверен. Вот такой уж я Фома неверующий. Докажите. Прошу. (Глеб молчит). Где ваши гарантии, что не появится новый Савельев? Чем мы застрахованы? А вдруг, предположим невероятно, вы сами со временем превратитесь в

Савельева?.. Вы попались в лапы умильной сказочки о добром и злом царе-батюшке».

Верная идея о нетерпимости по отношению к злу и в этой сцене, и в пьесе в целом подрывается, по существу, односторонним и предвзятым взглядом на факты истории и действительности.

Театры, собирающиеся поставить «Продолжение» М. Шатрова, должны серьезно задуматься над принципиальными идейными недостатками этой пьесы.

КАК и пьеса Шатрова, пьеса Леонида Зорина «Увидеть вовремя» богата художественными приемами подобного рода и прежде всего кинематографическими «наплывами». Только если Шатров преследует цель воссоздания единого потока жизни, цель Зорина иная — подобными «наплывами» он нарушает непрерывность действия ради «прорыва» в будущее того или иного героя. Однако от того, что один и тот же прием используется по-разному, суть дела меняется мало. Ибо содержание зоринской пьесы назвать новаторским также трудно.

Вот «сердитый молодой человек» Вадим мечтает, стоя у окна ялтинской квартиры, о своем будущем: «Иногда мне кажется, я вижу себя там, где-то впереди... Особенно по вечерам...». И далее следует ремарка, подобная шатровской: «Негромко доносится марш. В комнате темнеет. Возникает ритм поезда. Потом, в луче света, у воображаемого окна, лицом к залу стоит Вадим, на-

пряженно вглядывающийся в проносящийся пейзаж. Рядом с ним останавливается Пожилой человек». Возникает разговор. Потом появляется девушка, включается в беседу, а под конец задает вопрос: где же Рина? (Рина — это любимая Вадима).

Что это — мечты героя или его будущее, как оно видится драматургу?.. Во всяком случае есть все основания говорить о преднамеренности, условности характера Вадима, о его склонности к раздвоенности и рефлексии. Но вот перед нами образ совсем иной. Образ Артема. Это сибиряк. Характер крепкий, цельный. Прямая противоположность «сердитым молодым людям». Он появляется в комнате. «Делает шаг к балкону. Останавливается. Подходит к приемнику. Крутит ручку. Разноголосица мира. Музыка. Иностранная речь. Артем безостановочно вертит ручку. Темнеет. Потом в луче света мы снова видим Артема. Он медленно поднимает голову с дивана. Артем (еще не проснувшись окончательно). Маринка... (Теперь мы видим в комнате Женщину. Она сидит спиной к Артему и к нам). Почему ты не отвечаешь? Женщина (повернувшись). У меня есть свое имя... Я уйду, если она тебе будет сниться. Артем. Это редко теперь».

И этот «наплыв» из будущего появляется в самый разгар любви Артема и Марины, которая предпочла ему (правда, тоже на время) Вадима.

Примеры можно множить и множить. Но от этого автор-

ская позиция — довольно смутная — не прояснится и не изменится. Это ведь, однако, не случайно, что Рина, прозванная одним из героев пьесы «призом», не достается никому... Никому — и все! И суть замысла, видимо, в том, что, дескать, и «сердитые молодые люди», и цельные, кондовые сибиряки — люди одного поколения и им надо принимать друг друга такими, какие они есть.

Но есть ли здесь, в идее этой, хоть доля новизны? Сомневаюсь! Представьте себе на минуту, что Афиногенов, рисуя образы Бородина и Кларты («Страх»), Ромашов — Леницкого и Гулина («Бойцы»), Корнейчук — Галушки и Чеснока («В степях Украины»), что все они стали бы уверять: нет среди наших героев ни правых, ни виноватых — все черненькие, все прыгают!.. Что стало бы с правдой жизни и истории?

НОВАТОРСТВО не рождается в кабинетной тиши. Оно не определяется отдельными приемами, изобретенными тем или иным драматургом, или заимствованными им у другого рода искусства. Нет, прием, как таковой, не решает. Решает жизнь. Решают способность и умение художника уловить и передать ее новаторский дух, ее новаторское содержание,двигающие ею новаторские идеи. Ибо мастерство художника прежде всего подразумевает остроту и глубину, широту и точность постижения народной жизни!

Юр. ЗУБКОВ.